

ЗАПОВЕДНЫЙ СЕЛИГЕР

В ЭТОМ ОЗЕРНОМ КРАЮ ВСЕ ПРЕКРАСНО – ПЛЕСЫ, ЗАЛИВЫ, ОСТРОВА, ТИШИНА. НЕТ ЛИШЬ ОДНОГО – ПАРУСОВ. МЫ РЕШИЛИ ВОСПОЛНИТЬ ЭТОТ ДОСАДНЫЙ ПРОБЕЛ

ТЕКСТ
СЕРГЕЯ БОРИСОВА

Обстоятельства места

Селигер – это, конечно, озеро с именем собственным. Но Селигер – это и собирательное название нескольких озер, разных по глубинам, размерам, обжитости, внутренней зарыбленности и внешней заягодности. Поэтому когда слышишь «я отдыхал на Селигере», то лучше уточнить, где именно, а то может оказаться, что и не на Селигере вовсе, а на озере Сиг, Серемо, Сабро или каком ином, их там без счета. А то и на Верхневолжских, этих тоже хватает: Стерж, Вселуг...

Сам же Селигер делится на плесы – Осташковский, Кравотынский, Березовский... Мы отправились на Полновский, единственный находящийся в Новгородской области, среди лесов Валдайского заповедника, все остальные плесы – в области Тверской.

Почему именно туда?

– У Осташкова, – говорили нам, – все исхожено, изъезжено, тамлюдно, шумно. И вы не будете первыми!

Это мы знали. Потому что есть на Селигере свой яхт-клуб! Он создан энтузиастами-бессребрениками в деревне Покровское, что в 20 минутах на машине от столицы Озерного края. Называется клуб, естественно, «Паруса Селигера» (915 706-97-97; info@seliger-club.ru). Ребята сдают в аренду яхты, предлагают прогулки по озеру, привечают тех, кто хочет отсюда стартовать или, наоборот, здесь закончить свой поход. Яхт-клуб скромный, флот еще скромнее, никакого еврокомфорта, но самое необходимое имеется, начиная от слипа и заканчивая сануслугами. И переночевать где найдется.

– Хотим быть первыми!

– Тогда вам на север!

Мы стали прощаться, и тут собеседник задал вопрос, который, по идее, должен был быть самым первым:

– А чего вам так нейдет? Ехали бы на Средиземку, взяли в чартер яхту, такую всю белую-белую, и порядок.

Я кивнул, позволяя сыну вмешаться в разговор взрослых.

– Там все одно и то же, – веско проговорил юнга с динги «Динго». – Ничего нового.

Одна беда

Это в Кимры со своими сапогами не ездят, в Тулу – со своим самоваром, на Селигер надо везти свою лодку, если она парусная. Так мы и поступили.

Именно наличие прицепа с отягощением продиктовало маршрут. По Ленинградскому шоссе до Валдая, там от Яжелбиц налево – до Демянска, оттуда до Полново, а это уже Селигер. Все верно, но лучше бы мы ошиблись!

По приезду в деревню Покров, где мы сняли половину гостевого дома, нам поведали следующую историю. Не так давно новгородский губернатор решил почтить присутствием Никольский рыбо-разводный завод им. Варасского. Так местные хитрованы, не убоившись начальственного гнева, повезли его по демянской дороге. А там яма на яме, да с острыми краями – смерть покрывкам, боль подвескам. Но результата добились – денег на ремонт дороги губернатор выделил вдвое больше обещанного прежде. Но ремонт будет «ямочным».

Чтобы закончить тему, сразу скажу, что возвращались мы прямо на Валдай по грейдеру, и все оказалось куда проще и куда лучше. А вообще, Селигер – это где-то между Петербургом и Москвой, и если до Полновского плеса ближе от города на Неве, то до Осташковского – от столицы на Москва-реке. Ну и ехать можно по-всякому: через Ржев, Тверь, тот же Демянск, с запада через Андреаполь, карта вам в помощь. Закладывайте шесть-семь часов на дорогу – и вперед.

Но вернемся на дорогу на Полново. Я крутил «баранку», чертыхался, а мой мудрый 13-летний сын, уже в Покрове, в тишине, покое и безлюдье, вдруг изрек:

– Будут хорошие дороги – тут станет тесно.

Пришлось согласиться:

– Опять беда. Но пусть будут хорошие дороги, с нас и дураков довольно.

Со своим самоваром

Сбросились мы запросто, с этим проблем вообще нет, был бы даже не слип, а просто пляж. Загнали прицеп, толкнули – и лодка закачалась на воде. Как перышко!

Мне была нужна лодка для неспешных прогулок под парусом, ничего экстремального, сам не любитель адреналина, и сыну не позволю. Такая лодка нашлась. Делают их там же, в Озерном краю, в поселке Пено, что на берегу одноименного озера. Руководителем местной деревообрабатывающей фабрики оказался человек, беззаветно влюбленный в паруса. Не ограничившись распиловкой, калибровкой и всем подобным, Юрий Сероугольников организовал при фабрике верфь «12 футов» (peno12ft.ru) и начал строить лодки. И среди них динги по классическому английскому проекту (UK №N° 97, 101/2017), небольшие, легкие, с прочным корпусом из пластика, но обильным деревянным «сопровождением», с гафельным парусом, не требующие обширных знаний в управлении. А еще они обаятельные, что было среди моих главных требований, ведь лишь к таким лодкам относишься с трепетом и любовью. Хотелось этого.

Название подсказала книга из детства «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви» Рувима Фраермана. Так наша динги стала «Динго».

Походы по подмосковной воде – Истре, Сенежу, Пироговке – показали, что выбор был удачным, а Селигер – что оптимальным. Прежде всего из-за осадки.

Промерами со времен СССР на озере никто не занимался, имеющиеся карты глубин по большому счету «самопальные».

– А зачем вам глубина? – спрашивали местные, и глядели эдак подозрительно, похоже, подо-

1 |

зревая в нас конкурентов. – На судака пойдете? На угря? Так здесь угрей нет.

Новопросы серьезной рыбалки нас не волновали, с нас достаточно было удочек и спиннинга. К слову, наши достижения – две щуки и лещ на кило-триста: сыну везло, как всегда везет юным и новичкам.

Не желаете говорить – не надо. Обойдемся. И обошлись, потому что у нас с собой было!

На протяжении недели, куда бы мы ни пошли, дисплей эхолота выдавал ставшую привычной картинку – стоило приблизиться к берегу, и кривая тут же начинала карабкаться в гору. И

На его северном конце глубина не более пяти метров – и так до деревни Кривая Клетка. Потом глубина начинает стремительно расти – аж до 19 метров посреди самой широкой части плеса – от деревни Красота на западном берегу до деревни Новый Скребель на восточном. Дно круто поднимается у острова Бежачий, за которым глубины становятся более «щадящими», и у островов Чайка и Великий уже не превышают 10 метров.

За Великий, лежащий, словно камень у порога следующего плеса, Сосницкого, мы не ходили. Хотя стремление было – пересечь границу между Тверской и Нов-

воротниками. Мы вышли и тут же вернулись – безопасность прежде всего. А наутро снова ни движения: куда там парус – лист не шелохнется!

Но всего этого мы еще не знали, в будущее смотрели с оптимизмом и уже на следующий день решили устроить себе приключение.

Баный день

Мы топили «Динго». Делали это с огоньком, азартно. Потом посушили, потому что вдруг одичавшая «собака» упорно не хотела идти ко дну. Не склоняла гордый парус, не хлестала бортом воду. В конце концов пришлось сигануть за борт и ухватиться руками за планширь. Короче, раскатали, хлестнула селигерская водичка по банкам, залила пайолы.

Изуверская процедура проводилась нами сознательно. Хотелось убедиться, что все верно в сопроводительной документации – лодка непотопляема. Штиль мероприятию способствовал, вот мы и приступили...

Нашими усилиями «Динго» набрала воды, но тонуть окончательно и бесповоротно отказывалась и явно была готова принять нас обратно. Мы забрались в лодку и принялись вычерпывать воду – без лишних слов и тем более шуточек, потому как ломать не строить. Ушло на это у нас минут пятнадцать, после чего мы направились к причалу.

Там капитан оставил юнгу наводить на лодке идеальный порядок – он молодой, ему положено, сам же поднялся к баньке, что стояла у самого берега.

Сел на скамейку у крыльца. Тут дверь бани скрипнула и открылась. На пороге появился Лексеич, местный житель лет преклонных, подбирающихся к 80. Был Лексеич бос и в обычном одеянии – вылинявшей майке и галифе с лампасами и штрипками.

– Чем это вы тут занимались? – Лексеич пригладил редкие волосы на затылке, сквозь которые проглядывала по-детски розовая кожа. – Я в окно видел.

- 1 | «Динго» мы топили долго и усердно, но лодка упорно не желала идти ко дну
2 | Может быть, этот старый усталый швертбот все же когда-нибудь коснется воды

– Лодку топили.

На это бывший полковник не выказал ни малейшего удивления, присел рядом, чиркнул спичкой, закурил и вздохнул:

– О-х-х. Сын вчера приехал. О-х-хорошо посидели.

– Нельзя столько пить, – укоризненно молвил капитан яхты «Динго». – Жара-то какая. О сердце думать надо.

– Э, милай, – еще раз тяжело вздохнул старик, – водка, она погоду не выбирает.

Парировать было нечем.

Подошел сын, отпартовал:

– Прибрался. Отсеки непотопляемости проверил – сухо.

– Благодарю за службу, – поощрил подрастающее поколение капитан.

– Топили, значит, – напомнил о себе Лексеич. – Грех это. Чтобы сами... чтобы самим...

– Так ради ж эксперимента!

– Был у нас тут один экспериментатор, сильно ученый, тоже под парусами ходил.

Старый швертбот

Швертбот лежал у другой бани, на серых от времени подпорках, в березовой тени. Названия уже не прочитать, цифры-буквы на носу стерлись, да и какого ГИМСа кого они теперь волнуют? По фанере, оклеенной стеклорогожей, отчего казалось, что она обмотана мокрыми «вафельными» полотенцами, распознал лишайник. А вот пыли не было. На Селигере с пылью вообще плохо, и с грязью тоже, это же не черноземье, тут песок, дождь прошел – через полчаса ни следа, ни лужицы. Тут, кстати и к сведению рыболовов, потому и с наживкой плохо, ушлые люди червей продают под два рубля за штуку. За сезон озолотиться можно, да только ушлых маловато, лень-матушка заедает.

Этому швертботу суждено было родиться в квартире обычной «хрущобы» в подмосковной Апрелевке. Давно, в 70-е годы прошлого века, тогда самостройщиков хватало и эллинги на третьем этаже жилого дома чем-то исключительным не являлись.

Жил в той квартире инженер с «ящика» Андрей Аркадьевич. Человек, хорошо разбирающийся в двухканальных цифроаналоговых следящих приводах, о чем свидетельствовали с десяток патентов. И была у Андрея Аркадьевича страсть – паруса. Поднимал он их над байдаркой – и по любимому Селигеру. Потом на премию за очередное изобретение повезло купить дом у воды. А где дом, там и причал, а у причала... ну не байдарку же швартовать. Подумывал Андрей Арка-

Погрузили на прицеп – и на озеро. Много Андрей Аркадьевич ходил под парусами по Селигеру, но прошли годы, ушло здоровье. Швертбот лег вверх килем. Мачта, паруса, шверт, руль укрылись в той же бане под крышей. Андрей Аркадьевич все надеялся, что отступит болезнь, а она не отступила – забрала.

Так и лежит старый швертбот у бани на берегу Полновского плеса. И вряд ли когда вспомнит былое, расправит паруса, а коснувшись воды, удержится на ней.

КАКИМ БЫ ПО РАЗМЕРАМ НИ БЫЛО СУДНО, А СВОЯ БИОГРАФИЯ У КАЖДОГО ЕСТЬ. КТО ПОСТРОИЛ, ГДЕ, КОГДА, С КАКОЙ ЦЕЛЮ?

дьевич купить новинку малого судостроения – яхточку «Ассоль», но очередь за единственной яхтой, поступающей в розничную продажу в СССР, была просто ужас. Тогда без лишней суеты он начал строить швертбот в собственной гостиной. Но даром что инженер, с размерениями просчитался: с длиной не оплошал – стены комнаты не раздвинешь, а в ширине по миделю ошибся – когда по весне вытаскивали швертбот из комнаты наружу («Майна! Вира! Ты крановщик или кто?»), пришлось оконную раму выломать, нескольких сантиметров не хватало, не лодку же мять-уродовать.

– А других парусных лодок у нас и не было, – авторитетно проинформировал нас старожил Лексеич. – До вас.

Те еще паруса

Утверждение, что мы тут чуть ли не первооткрыватели, оказалось ошибочным. Хотя ни одной парусной лодки за все время пребывания на северном Селигере мы не обнаружили. А хотелось бы поприветствовать и удивиться, что она уступает «Динго» по изяществу и красоте. При этом паруса на плесе появляются. Мы их видели. Целых два раза.

– Полосатенький по курсу, – доложил Павел Зоркий Сокол.

Полновский плес не только самый чистый, но и самый глубокий на Селигере. А еще самый зарыбленный, безлюдный, потому что труднодоступный, в общем, он самый-самый

вот уже мелко, совсем мелко, у дна стелются водоросли, суетятся мальки, о чем-то шепчет тростник... Какой уж там киль! Только шверт, и хорошо, что на «Динго» он откидной, а не «кинжальный», и перо руля поднимающееся. Быстро вывернуться не всегда удавалось, так что подбрасывало.

В результате выяснилось следующее. Полновский плес не только самый чистый, но и самый глубокий на Селигере.

городской областями, а она аккурат в этом месте. Более того – так и планировалось. Но известно: хочешь рассмешить богов – расскажи им о своих планах.

Ветра не было. От слова «совсем». В первый день мы еще не знали, что день за днем штиль будет сводить нас с ума, лишь раз издевательски сменившись штормовыми порывами, разогнавшими на озере совершенно морскую волну с барашковыми

2 |

3 |

Парус был бело-красным, напоминая этим польский флаг. Он бессильно обвисал за кормой тяжелой «дюральки» – подвесной парус, явно конструкции Антеро Катайнена и явно из тех, что некогда выпускались на Тюменском моторном заводе.

«По курсу» – это сын преувеличил. Мы не шли – стояли. Стояла и «дюралька» с творением финского яхтсмена на транце. Нам бы подойти, но наш моторчик вдруг закапризничал, а люди в «дюральке» взялись за весла, и она скрылась в ближайших камышах. Только мы ее и видели. Вернее, так: только – мы – ее – видели!

Сердца наши между тем преисполнились радостью: значит, есть паруса на Полновском плесе, пускай неказистые, но есть.

ВЕТЕР ПРОСЫПАЛСЯ ЛИШЬ ВЕЧЕРАМИ. ЧУТЬ ЗАДУВАЛО, РАДОВАЛО, ОБНАДЕЖИВАЛО, А ПОТОМ ВЕТЕР СНОВА ПРОВАЛИВАЛСЯ В СОН, И УЖЕ КАЗАЛОСЬ, ЧТО НА ЭТОТ РАЗ СОН БУДЕТ ЛЕТАРГИЧЕСКИМ

На следующий день мы убедились в этом еще раз. На песчаном берегу под названием Перлос, который, впрочем, все называют прозаически – Пески, мы увидели надувной катамаран «Альбатрос», но и его парус был неподвижен, а ушбонны горбились по его бокам, как ребра огромной щуки, случайно пойманной и благополучно съеденной.

Мы нашли хозяина катамарана. Он вылез из палатки, одной из тех, что разноцветными пятнами рассыпались по берегу, и, узнав о нашем интересе, начал жаловаться на погоду: ну что за аномалии, понимаешь!

Валентин, так звали катамаранщика, приехал из Питера. Приехал – и пожалел: ни под парусом пройтись – с ветерком, ни в холодке полежать – такая жара, что и тень не спасает.

– Давно под парусом?

– Я-то? Да сколько себя помню. Отец ходил, теперь моя очередь. Катамаран у нас старенький, латаный, но дело свое знает.

– А приобрести что-то посolidнее не было желания?

– Мне хватает. Всего-то месяц в году – чего заморачиваться? Я же не яхтсмен – турист.

И тут взгляд Валентина упал на нашу лодку, и он словно бы подобрался, как гончая, завидевшая зайца, вот сейчас бросится!

Так и произошло. Ахи, охи и любопытство с ошутимой перспективой развития. Посыпались вопросы.

Простившись, мы оставили Валентина в глубокой задумчивости. Турист, значит, ну-ну. И

тем же вечером всезнающий и все помнящий Лексеич рассказал нам, что несколько лет, в июле, в деревне снимали дом молодые ребята. «Откуда сами, того не ведаю, а врать не хочу». Так они тоже привозили с собой надувной катамаран. Большой такой, оранжевый, с черными острыми колпаками впереди.

Это Лексеич так сказал – с «колпаками», на самом деле – с обтекателями. Это явно был катамаран «Простор».

– И как ходили?

– Лихо! Не то что вы на этой тихоходке.

Мы обиделись за «Динго» и оставили вредного старика наедине с сигаретой «Ротманс». Ладно бы «Прима», а то «Ротманс»! Хотя, конечно, хороший у Лексеича сын, щедрый.

Туркомбинат

Раньше все было по-другому. Но это было давно. Очень. Еще до войны на Селигере появились турбазы, провозвестники организованного «водного туризма». Между прочим, первые в стране.

Молодых ребят, комсомольцев, привозили на грузовиках из столицы озерного края – Осташкова, куда они прибывали из Твери, Москвы, Ленинграда. В кузовах, расчерченных лавками, было тесно от желающих отдохнуть с пользой для себя и государства. Именно так, потому что дело счи-

- 3 | Вечерами на Селигере было пустынно – лишь ветер и мы
- 4 | Веслам «Динго» очень послушна, только греби
- 5 | Мотор оказался полезным дополнением парусу, но удовольствие не то!
- 6 | Чтобы сбросить динги на воду, достаточно пологого берега

талось важности государственной. В здоровом теле здоровый дух, и все такое.

Летом 1934 года рядом с деревней Неприе возник настоящий палаточный городок – Селигерский комбинат туристско-экскурсионного управления ВЦСПС. Как дополнение к палаткам – два двухэтажных административных здания и несколько хозяйственных построек.

Истинным сердцем туркомбината была водная станция. В момент открытия у ее причала стояли три швертбота – два совсем простеньких и новенькая «Эмка». На возведенной неподалеку верфи под руководством опытного мастера-судостроителя Василия Ивановича Брызгалова ладилы новые суда. За два следующих года флот водной станции пополнился четырьмя швертботами М-20 и деревянными байдарками с обводами «шарпи», некоторые из них имели и паруса. А потом на Селигер из Ленинграда привезли килевую яхту Л-45!

Туристы, ставшие курсантами, знакомились с особенностями акватории, листали лоцию, изучали конструкцию и парусное вооружение различных судов, а затем отправлялись в плавание по Селигеру, продолжавшееся от трех дней до недели. По окончании похода его участникам вручались только что введенные в оборот значки «Турист СССР». Те же из курсантов, кто успешно освоил азы парусного искусства, получали особый документ за подписью Брызгалова, подтверждающий право вождения маломерных парусных судов. С печатью! И все это было очень и очень серьезно, никакого начетничества, о чем говорит, к примеру, такой факт: одним из выпускников туркомбината был Константин Александров, в будущем трехкратный чемпион Москвы в классе М-20.

Планы были грандиозные, но началась война, и от Селигерского туркомбината ВЦСПС не осталось ровным счетом ничего. И ничего не появилось взамен.

Многочисленные турбазы, а потом и дома отдыха, даже ново-построенный пансионат «Сокол» предлагали отдыхающим лишь «фофаны» да «пеллы», чтобы греб народ и повышал тонус, и байдарки с той же целью. Какие еще паруса?

Но они на Селигере появились. Самодеятельные туристы привозили складные польские швертботы «Мева», надували катамараны, вешали на борта байдарок – «Салют» и «Таймелей» – шверцы, ставили мачты и поднимали паруса. Кто-то уходил на Волгу по реке Селижаровке, кто-то кружил по озеру. И те, что оставались, как водится, сбивались «в кучу». На берегу самого крупного из островов – острова Хачин, появлялись настоящие «стойбища» туристов-парусников. Иногда они устраивали гонки, например, до острова Столбный, на котором находится огромный (тогда запущенный донельзя, а ныне успешно реставрируемый) монастырь Нило-Столбенская пустынь.

А потом неожиданно и коварно, как война в 1941 году, пришла перестройка и новые ветры повывели с Селигера паруса. Почти подчистую.

Теперь рычат моторки, проносятся скутеры и лишь изредка где-то вдаль мелькнет белый лоскуток. И тогда ты спросишь в шутку: «Белеет парус одинокий... Что это, Сигизмунд?» – и тебе так же по-райкински ответят: «Правильно, Сигизмунд, это Евтушенко». На самом деле грустная картина. Не Айвазовский.

Свистать всех на борт

Ветер продолжал упрямяться, лишь вечерами просыпаясь от летаргического сна. Да и то не до конца, предпочитая оставаться в полудреме. Чуть задувало то с юго-запада, то, северо-запада, а других ветров здесь и не бывает, такая здесь «роза». Обнадежит слегка – и снова в сон.

Но у нас с собой было! На веслах лодка шла ходко, послушно повинувась рулю, охотно обходясь и без него. Был у нас и мотор –

4 |

5 |

6 |

ФОТО: МАРИНА КОЗЕВА

7 | На острове Бежачий юнга экипажа динги «Динго» чувствовал себя Робинзоном, а отец при нем был Пятницей

японский двухтактник на 3.5 л.с. В сопроводительной документации к лодке указывалось, что ставить можно и 4-сильный, но мы убедились, что мощность эта избыточная. На глиссирование динги все равно не вывести, так что можно обойтись и двумя «лошадками».

В общем, все переходы у нас были «композитными»: с утра и вечером – под парусом, ловя легчайшие порывы, днем большей частью на веслах и под мотором.

МИР ПАРУСА МНОГОЛИК И ТЕМ ПРЕКРАСЕН. И НЕ НАДО СМОТРЕТЬ СВЫСОКА НА СКРОМНЫЕ ЛОДОЧКИ, РАСПРАВИВШИЕ СВОИ ПАРУСА. ОНИ ЭТОГО НЕ ЗАСЛУЖИЛИ. КАК И ЛЮДИ НА НИХ

Благодаря этому значительную часть стоявших перед нами задач выполнить все же удалось. На островах побывали, западный берег плеса изучили – сами мы жили на восточном.

До Полнова добирались долго. Если бы не мотор, даже не отважились бы. Десять километров на веслах, да при таком пекле, это не сладко. Но дошли, и уже на подходе подняли парус. Нет, ветра считай что и не было, но подойти мы обязаны были при полном параде.

Причал оказался полуразрушен. С советских времен сюда не приходят пассажирские «трамвайчики» из Осташкова, они вообще больше не заходят на Полновский плес. Реку Полновку, вернее, протоку, никто не чистит, и пройти по ней из Кривотынского плеса рулевые скольконибудь серьезных судов не отваживаются. А в обратную сторону идти некому.

Лодку окружила дети. Их родители загорали чуть поодаль. В

детских глазах удивление мешалось с восторгом, а общим было: «Дяденька, прокати!».

– Ладно, – сказал я. – Прокати их. Но не больше чем по двое, и в спасжилеты, и чтобы с согласия пап-мам.

Сын взглянул на меня без усмешки, хотя что-то такое вроде бы пряталось в уголках губ:

– Есть, сэр!

Без пяти минут пассажиры метнулись к родителям за разрешением, а я направился в магазин. Их в Полново несколько. Три

супермаркета, два хозяйственных. Есть аптечный пункт. Ассортимент – как в большом городе, вполне достаточный. Насмешило изобилие морской рыбы – замороженной и консервов из оной. Это на Селигере-то! А вот фрукты-овощи не очень, ниже среднего по качеству.

Вообще, с торговыми точками на Полновском плесе негусто. Потому что и с людьми негусто, только в летние месяцы наезжают туристы и дачники.

В Покрове такой точки вообще нет (раз в неделю приезжает автолавка), что и понятно – домов меньше двух десятков.

Есть «сельпо» в Новом Скребле, в Лаврове, в деревнях на западном берегу, но по сравнению с универсамами Полнова они как «Продукты» на окраине мегаполиса и гастрономы в его центре. А желаете деликатесов – извольте в Демянск.

И кстати, туда же за бензином, потому что там ближайшая заправка. По ямам... Когда мы в своих походах сожгли весь 92-й, то кинулись к Лексеичу, и тот поделился канистрой, да будет славно имя сего полковника во веки веков! И 95-й предлагал, но тут мы были предусмотрительны, еще на М10 заправившись «под горло».

Увешанный пакетами, я вернулся на берег. Пришлось повременить с отходом – катание на динги продолжалось. Во время ожидания я просвещал родителей будущих яхтсменов на предмет, что такое динги, парусный спорт в целом и что мы тут вообще делаем. Тоже нужное дело.

Острова любви и войны

Больше всего нам понравились острова. Особенно два – Козлище и Бежачий. Первый – названием, про которое никто не смог сказать ничего внятного. Второй – тоже названием, но тут есть легенда.

Жили в этих краях когда-то парень и девушка, и очень они друг друга любили. Только не суждено им было венчаться, нарожать детей и умереть в один

день. Семьи их враждовали, ну, чисто Монтекки и Капулетти. Прознав о том, что дочка собирается улизнуть с любимым из-под отцовского крыла, Капулетти-старший шибко разгневался и посулил молодцу смерть скорую и лютую. Девушка парня предупредила о грядущем возмездии, и тот пустился в бега. Но убежать далеко не успел, потому что Капулетти был еще и злым колдуном. Произнес заклинание, и застыл парень прямо на бегу каменным островом, который назвали Бежачим. А девушка, сама из рода волшебников, махнула рукой и стала горой Ореховой, самой высокой в этих местах. Так они и смотрят с тех пор друг на друга... Поэтому иногда Бежачий называют островом Любви.

Туристы свои палатки ставят на нем редко. Обычно Бежачий безлюден. Остров напоминает запятую, где «хвостик» зарос тростником, южный берег пологий, с роскошным пляжем, а северный – крутой, как и бывает на островах, возникших в ледниковый период, это он землю подвинул и скособочил. Так вот на косогоре этом столько грибов! Белые, подосиновики! Коли с погодой повезет, с корзинами уйдете. Нам-то не повезло, дождей не было, но Лексеич в сезон туда регулярно навещается.

А еще на острове траншеи, стрелковые ячейки. Сколько лет прошло, а не осыпались до конца, не заросли, не исчезли.

Кто в ладах с военной историей, тому известно, что такое Демянские котлы: сначала наши из окружения пробивались, потом немцы. Линия фронта проходила как раз у Полнова. Западный берег был немецким, восточный – советским. Острова тоже «на двоих» поделили. Так больше года друг против друга и простояли, в землю зарывались.

Противотанковые рвы, траншеи, землянки, блиндажи и окопы, окопы... Военного наследия здесь много, особенно на мысе Милота, на полуостровах-наволоках Баран, Боровик, Толстик, Добромыш...

– А почему Милота? – спросил сын. – Почему Добромыш?

Ответа у меня не было, этимологическое расследование загодя проведено не было. Недочет, «двойка» мне. А названия вокруг и впрямь занятные, и не только финно-угорские: Красота, Кривая Клетка, Запрометно, Перерва, Скребель Старый и Новый. Но это поправимо, к следующему приезду выясню.

Магнетическая сила

– Прощевайте, яхтсмены, – сказал стеснительный экс-полковник, так и не согласившийся сфотографироваться на память. – Авось увидимся.

Скажет тоже, яхтсмены. Без ветра, на динги. Это как умеющего складывать слова в предложения писателем назвать, а рифмовать – поэтом. Хотя...

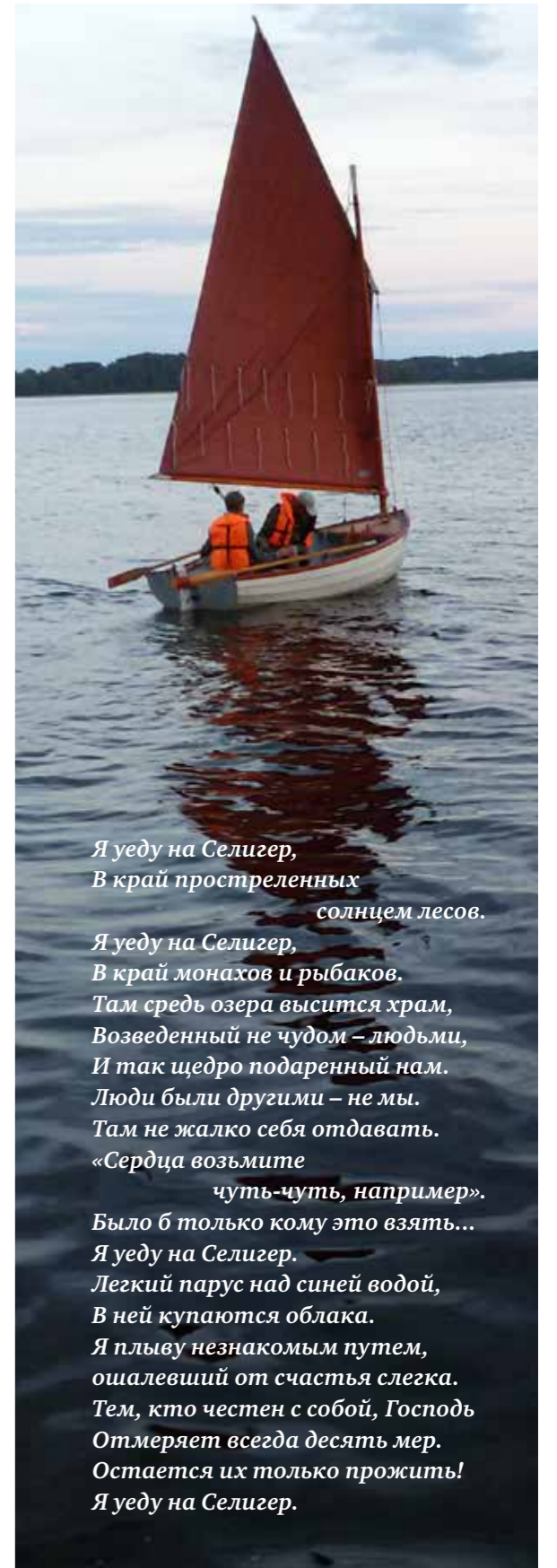
Мир паруса многолик и тем прекрасен. Не без своей элиты, конечно, и не без огрехов. Прибрежные гонщики на парусных болидах, бывает, свысока пошатривают на чартеристов, встречая снисходительные улыбки тех, кто ценит комфорт и душевное спокойствие, а не только скорость. А те и другие – на скромные лодочки, вроде нашей. Разные масштабы, разные цели, разные акватории, разные яхты... Но ведь яхты, а над ними паруса! И вольный ветер, и жажда свободы – это главное, это объединяет, и оставим ненужные споры. Поэтому прав Лексеич, и нечего скромничать.

– Мы вернемся, пап?

Да, вернемся. Не знаю пока, где остановимся, благо выбор есть, может быть, в гостевых домах «Константиновой усадьбы» или на турбазе «Остров», но, наверное, все же в Покрове. Всего-то неделю прожили, а будто сроднились.

Говорят, места эти, где берут начало три реки – Волга, Днепр и Северная Двина, сам Господь в макушку поцеловал. Оттого притягивают они к себе неведомой силой. Побывал – не забудешь, не приедешь – пожалеешь.

Мы вернемся. 📌

*Я уеду на Селигер,
В край простреленных
солнцем лесов.*

*Я уеду на Селигер,
В край монахов и рыбаков.
Там средь озера высится храм,
Возведенный не чудом – людьми,
И так щедро подаренный нам.
Люди были другими – не мы.
Там не жалко себя отдавать.
«Сердца возьмите
чуть-чуть, например».*

*Было б только кому это взять...
Я уеду на Селигер.
Легкий парус над синей водой,
В ней купаются облака.
Я плыву незнакомым путем,
ошалевший от счастья слегка.
Тем, кто честен с собой, Господь
Отмеряет всегда десять мер.
Остается их только прожить!
Я уеду на Селигер.*